

Рассказы разных бед

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

артём сошников

18+

Арте́м Сошников
Рассказы разных бед

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сошников А.

Рассказы разных бед / А. Сошников — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

«Когда студенты не могут снимать жизнь другого, это значит, что они поглощены чем-то, собственной драмой. Как правило, это отношения с родителями, с мамой. И тут все устоявшиеся метафоры о святом имени мамы выполняют роль убийцы. Тогда я прошу все отбросить и рассказать об этой истории, пусть она очень личная, пусть это пока только мир твоей семьи. Но тебе необходимо рассказать о своих страданиях, раз они не дают тебе двигаться дальше: снять об этом кино или написать книгу». Марина Разбежкина, из интервью «Горькому» Содержит нецензурную брань.

Содержание

Купе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

«Когда студенты не могут снимать жизнь другого, это значит, что они поглощены чем-то, собственной драмой. Как правило, это отношения с родителями, с мамой. И тут все устоявшиеся метафоры о святом имени мамы выполняют роль убийцы.

Тогда я прошу все отбросить и рассказать об этой истории, пусть она очень личная, пусть это пока только мир твоей семьи. Но тебе необходимо рассказать о своих страданиях, раз они не дают тебе двигаться дальше: снять об этом кино или написать книгу».

Марина Разбежкина, из интервью «Горькому»

Купе

– Ну дай хотя бы двадцать рублей. Чаю пойду возьму, ёптаюать...

– Да заткнись уже, сколько можно!

Я вышел в коридор и грохнул дверь. Всю жизнь мне говорят: Олег, твоя совесть тебя погубит – и ведь правда. Давно пора перебороть себя и забить, но я ж спать не могу спокойно ночами, лежу, мозг себе пережёвываю... Вот и завела меня эта совесть в купе с человеком, которого я то ли презираю, то ли конкретно так ненавижу. На сутки. Из которых прошло всего пять часов и осталось целых (сколько там?) девятнадцать.

Я вообще уже года три не езжу на поездах, у меня с детства стойкое к ним отвращение. Но нарколог запретил ему лететь на самолёте – после инфаркта, говорит, может не выдержать, вези по земле, по земле доедет. Дал гору каких-то таблеток и укол на всякий случай. А, ещё порекомендовал заранее предупредить проводницу в составе. Купил ей шоколадных конфет и рассыпного чая. Сначала переживал, что в составе нет дежурной бригады врачей, а потом подумал: чего я волнуюсь? Ну не доедет и не доедет. Бабушку жаль, конечно... А его не жаль. У него совсем башка потекла, засыпать в одном помещении страшно.

Скажите, сволочь? Вы с ним не росли. У меня самое яркое воспоминание детства – пятно крови на обоях в прихожей, это он маму избил за то, что её подвёз домой какой-то шофёр с завода. Мама потом неделю встречала меня после школы за гаражами, стыдно ж появляться перед людьми с фонарём и разбитым носом, да и у меня потом за спиной будут шептаться: вот, мол, живёт Забелин в неблагополучной семье, бедный мальчик. Мама вообще лишнего обо мне заботилась, лучше бы о себе подумала. Наверное, потому и ушла пять лет назад, извелась. А он жив, сидит в купе и думает, где бы накатить без палева.

Сейчас главное не накручивать, отвлечься, послушать музыку с телефона. Я включаю какое-то техно, просто для того, чтобы не терзать себе душу лишней раз депрессивными текстами, сосредоточиться на электронном бите и размеренном стуке состава. Но не успевает начаться первый трек, как дверь нашего купе дёргано отодвигается и он вываливается в коридор. Я тянусь к наушникам и вижу его наигранно-беспечные взмахи рукой:

– Да слушай-слушай, я покурить схожу...

А я всё равно снимаю наушники и шагаю за ним, потому что знаю я, как он сходит покурить: будет ковылять через весь состав, искать какого-нибудь колдыря, найдёт и уболтает его поделиться водкой. И тогда всё пропало, можно спокойно сбросить его с поезда, потому что везти развязавшегося алкаша в Петербург толку нет, а возвращаться на родину – тем более. Зачем тогда я столько мучился?

– Да чё ты за мной таскаешься как шавка, Олег! – недовольно буркает он, дёргая ручку тамбура.

– Я ни на шаг от тебя не отойду, понял? – рычу, выдавливаю из него последние остатки надежды.

– Дай своих покурить тогда...

Я достаю из пачки Парламента три сигареты, одну себе и две ему. Мы купили у проводницы лотерейных билетов и договорились иногда смолить между вагонами.

– Как ты их куришь, ёптить, слабые какие... – снова бурчит он, затягиваясь как можно глубже, – Табака-то нет, наверное... А стоят дохуя.

Я держу дверь за ручку и периодически озираюсь взад-вперёд.

– Кури быстрее. Сейчас соседи нажалуются, будешь до Питера спички в купе грызть.

– Снова ссышь, – укоряет он меня, но прикуривает от хабарика вторую.

Потом я жду, когда он доковыляет до купе обратно. Он и не ходит уже толком, допился – ноги ломит, пальцы почти ничего не чувствуют. С бутылкой его разлучит только гроб. Но я ж

не могу сидеть, ждать, когда заплаканная бабушка позвонит мне в Петербург и сообщит, что он траванулся палёнкой; или поскользнулся пьяным на льду и раскрошил себе череп об асфальт. Так что я решил попробовать, потратить денег и засунуть его в центр реабилитации алкоголиков. Я специально поехал на Московский проспект, два часа сидел в окрашенном салатовой краской коридоре. Потом какая-то полная женщина смотрела на меня строгим бесчувственным взглядом – понятно было, что таких, как я, у неё сотни и она давно уже не испытывает к нам ни капли сочувствия. Задавала практические вопросы: Сколько лет? Как часто пьёт, прерываются ли запои? Работает? Сопутствующие заболевания, осложнения? И с каждым ответом я понимал всё лучше: его не возьмут, потому что он – отработанный материал, свободное место лучше отдать сорокалетнему слесарю с несовершеннолетним ребёнком, у которого всё же есть шансы на реабилитацию. Я не дурак, я догадался и уже собирался уйти. Мне даже стало полегче, я убедился в том, что я бессилен, но тут она резко сменила тон и спросила, работаю я или учусь? Есть ли у меня возможность взять кредит? Их центр открыл платное отделение, сорок тысяч рублей за месяц лечения, принимают без очереди... А я копил на первый взнос... и, ладно уж, могу отдать эти сорок тысяч хоть сейчас, ну или через полчаса – метнусь до банкомата, если не принимают карты. Но я, конечно, сделал вид, что подумаю, позвонил им на следующий день, договорился о рассрочке. А то вдруг поймут, что я при деньгах. Начнут раскручивать на всякую хрень...

И вот я поймал удачный момент – его разбил инфаркт, он валялся в кардиологии – поехал на малую родину, запер его после выписки в спальне и две недели сторожил, как верный пёс, не давал пить, заставлял глотать таблетки. За эти две недели он вытянул из меня последние нервы, а я, в свою очередь, припомнил ему вообще **всё**: и как он, сука, ни разу не позвонил умирающей маме, и как припёрся на похороны пьяный и выпрашивал на поминках водку, и как в детстве я прятался и дрожал за креслом, пока он громил квартиру. Я сказал, что даю ему последний шанс, реально **последний** шанс и если он им воспользуется – так и быть, я буду поздравлять его с новым годом и днями рождения. Но на большее... Хер.

Он всё это выслушал и даже не извинился.

А он не умеет извиняться. Даже сейчас, когда он разворачивал тщательно упакованную бабушкой в фольгу жареную курицу и уронил её на мою постель, он не извинился. Я стерпел и накрылся испачканным одеялом, лежу и делаю вид, что сплю. Просто для того, чтобы он со мной не разговаривал. От него невыносимо несёт табаком (всю жизнь от него так несёт). Почему? Я тоже курю, но от меня же так не воняет. Видимо, запах уже вьелся ему под кожу.

Мне снится какая-то муть... Живые мёртвые, в моих снах они почему-то не болеют и мне от этого тревожно. Когда я просыпаюсь, в купе темно, лишь в окне медленно мелькают фонари пустого перрона. Трогаемся. Я приподнимаюсь на полке и вижу, что в купе никого нет.

Не усмотрел.

Ругая себя за то, что завтыкал первым, тут же вылезая в коридор. У окна, естественно, никого нет. Я бреду к проводнице, которая сидит у себя в купе и заполняет какие-то бланки, спрашиваю, не подходил ли он, не просил ли продать спирта. Я уверен, что бабушка дала ему денег (не могла не дать) и он их хорошенько заныкал. Очень хорошо заныкал – я обыскал и куртку, и штаны, не нашёл ни рубля. На эту заначку он купит себе бухла при первой же возможности.

Проводница не сознаётся даже после предложения опустошить кривой поднос с шоколадками, говорит, что давно уже сидит здесь с открытой дверью и «ваш папа» мимо не проходил. Жаль, впереди всего два вагона, а он, хитрожопый, ушёл в хвост состава. Ничего, далеко не укувыляет. Я покупаю два сникерса, закидываю их не глядя в купе и рву дверь тамбура на себя. Прохожу такой же купейный вагон – толстый мужик прижимается пузом к стеклу, пропуская меня дальше, но мне всё равно не хватает места. Задеваю рукой его потную спину. Мерзко.

За купейным – три плацкартных. Замедляю ход, внимательно смотрю по сторонам на спящих детей, разложенную на столе нехитрую снедь, занавешенные простынями боковушки. Две компании тихо выпивают, но его к себе не посадили бы – молодые.

Мимо меня мелькают верхние полки, везде темно и сложно разобрать закутанные в одеяла тела. Может, он напился и спит где-то на свободном месте? Нет, его бы выгнали, он громко храпит и бредит во сне, постоянно орёт что-то пьяный.

С каждым разом вагонов впереди всё меньше и вот я выхожу в последний тамбур, передо мной только запотевшее стекло. Протираю его и вижу, как на фоне горящих поездных фар кружится метель. Проводница не продала ему спирт, он попёрся на вокзал и отстал от поезда. Что это за город был, Ярославль? Ну, придёт к ментам, документы у него с собой. Или выпьет с горя и замёрзнет где-нибудь в окрестностях. Или прирежут за пятьсот рублей и дешёвый кнопочный телефон. Его уже не раз избивали и грабили пьяным.

Обоняние чует знакомый запах спирта и табака, поворачиваю голову – в углу ныкается какой-то челдон, посматривает на меня. Из под мышки торчит горлышко бутылки, на неё насажен столбик одноразовых стаканов.

– Извини, не видел здесь мужика такого хромого? Выпить искал.

– Не, не видал. Один тут пью, – криво улыбается челдон.

Я достаю из кармана пачку и кручу её в руке туда-сюда. Если он ушёл на вокзал, то обязательно надел куртку. Он себя любит, в одной рубашке на мороз не пойдёт... Надо бы вернуться в купе и проверить, на месте ли куртка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.